

трупа монархии, - говорил один из якобинцев, Симонд, - вышло несметное количество ядовитых насекомых, которые не так глупы, чтобы надеяться на воскресение трупа»; они стараются поддержать конвульсии в политической жизни страны¹. В особенности в провинции эти «насекомые» пользовались успехом. Множество эмигрантов, продолжал Симонд, «законников, финансистов, агентов старого порядка» наводняют деревни, овладевают народными обществами и становятся их президентами и секретарями.

Нет никакого сомнения, что народные общества, которые в Париже были не что иное, как собрания секций, организовавшихся под другим именем², вскоре «очистились» бы сами, без постороннего вмешательства, т. е. исключили бы скрывавшихся в них роялистов и продолжали бы дело секций. Но вся их деятельность не нравилась якобинцам, которые относились враждебно к этим «новичкам», превосходившим их в «патриотизме» (т. е. в преданности революции). «Их послушать, - говорил Симонд, - так выходит, что патриоты 89 года... не что иное, как усталые и заезженные клячи, которых надо приколоть, потому что они не могут поспевать за новичками на пути революции». И он выдавал истинные опасения и страхи якобинской буржуазии, когда говорил о «новом, четвертом Законодательном собрании», которое эти «новички» хотят созвать, чтобы идти дальше, чем шел Конвент. «Наши злейшие враги, - прибавлял Жанбон Сент-Андре, - не за дверьми нашего собрания; мы их видим: они среди нас; *они хотят идти дальше нас в революционных мерах*»³.

После чего Дюфурни говорил против всех секционных обществ, а Дешан называл их «маленькими ванدهями». Что же касается Робеспьера, то он немедленно выступил со своим любимым аргументом «происки иностранцев!». «Мои опасения, - говорил он, - к сожалению, вполне оправдались. Вы видите, как контрреволюционное лицемерие преобладает в этих обществах. Агенты Пруссии, Англии и Австрии хотят этим способом уничтожить власть Конвента и патриотический авторитет Якобинского общества»⁴.

Враждебное отношение якобинцев к народным обществам, очевидно, было враждебностью по отношению к самим секциям города Парижа и к таким же организациям в провинциях; это была враждебность всякого центрального правительства к народному самоуправлению. Таким образом, как только революционное правительство было утверждено декретом 14 фримера II года (4 декабря 1793 г.), право выбирать мировых судей и их секретарей - право, присвоенное себе секциями еще в 1789 г. и впоследствии утвержденное за ними законом, было отнято у них. Судьи и секретари должны были впредь назначаться Генеральным Советом департамента (декреты 28 декабря 1793 г. и 12 мая 1794 г.). Мало того, даже право секций выбирать свои комитеты общественной благотворительности было отнято у них в декабре 1793 г. и было взято в свои руки Комитетами общественного спасения и общественной безопасности!

Народная революционная организация секций была подрезана, таким образом, в самом корне.

Но всего лучше выступает основная мысль якобинского правительства в том, как оно сосредоточило в своих руках все полицейские обязанности. Мы видели (гл. XXIV), какое значение приобрели секции как органы муниципальной и революционной жизни Парижа; мы упоминали о том, что они делали для снабжения города жизненными припасами, для записывания волонтеров, для организации вооружения и отправки батальонов на войну, для фабрикации селитры⁵, для организации труда, для безработных и неимущих и т. п. Но рядом с этими обязанностями секции города Парижа и других больших городов отправляли также и полицейские обязанности. В Париже это уже началось с 14 июля 1789 г., когда сформировались «окружные комитеты»⁶, взявшие на себя полицейские обязанности.

¹ Societe des Jacobins. Recueil des documents. Red. et introd. par A. Aulard v, 1-6. Paris, 1889-1897, v. 5, p. 723.

² См. у Мелье статуты народного общества, организованного секцией Пуассоньер (*Mellie E. Les sections de Paris pendant la Revolution. Paris, 1898*).

³ Societe des Jacobins, v. 5, p. 624-625.

⁴ Ibid., vol. 5, p. 578, заседание 26 декабря 1793 г. Когда кордельер Моморо решился заметить, что кордельеры часто себя спрашивали, имеют ли они право мешать образованию народных обществ, так как «право собираться в народные общества священо», Робеспьер сухо ответил ему: «Все, что предписывается общественным спасением, несомненно, согласно с принципами».

⁵ Так как купить ее для выделки пороха было негде, то выскребали осадки селитры на стенах старых погребов.

⁶ Париж подразделялся тогда на округа.